

О ДРАМЕ г. ПИСЕМСКОГО «ГОРЬКАЯ СУДЬБИНА»

Трудно себе представить более неприятное и даже оскорбительное впечатление, какое овладевает при чтении этой драмы. В драме выведено весьма нравственное лицо, крестьянин Ананий... Отчего же бы, кажется, возмущаться? Кажет-

* Мы с этим пиршеством, весельем, не смешиваем *веселья духа*, которое точно есть уже высокая нравственная заслуга.

** Здесь не можем не припомнить чрезвычайно верного и глубокого объяснения, сказанного А. С. Хомяковым, объяснения, почему св<ятой> Владимир¹ не принял магометанства. «Руси есть веселие пити, сказал Владимир проповедникам Магомета, мы не можем быть без того». В самом деле. Владимир чувствовал, что не могло быть истинно то исповедание, которое запрещает, со всею важностью догмата, употребление веселящего напитка, — не злоупотребление: это дело другое — а употребление. Отречение от пия входит в неотъемлемое условие, в догмат магометанской религии. Отречение от плода земного, «веселящего сердце человека», есть в то же время отречение от дара божия, от веселья в жизни. И Владимир, хотя еще тогда язычник, почувствовал ложь учения, всею силою веры вооружающегося против сока виноградного, против радужного веселья, так соединенного с началом общественности в человеке.

Вооружаться против употребления и против злоупотребления — две вещи разные. Церковь наша благословляет вино, но воспрещает пьянство.

ся бы, — напротив! Но противоречие заключается в самом художественном изображении этого лица, в той полной неискренности, с какою это нравственное лицо представлено, в том глубоком отсутствии внутреннего сочувствия, в том совершенно внешнем отношении, в какое стал к нему художник. В этой драме г. Писемский *показывает* публике русского крестьянина высокой нравственности. Неправда, отсюда проистекающая на каждом шагу, — мутит душу. Нам невольно вспоминаются и поводильщики медведей, и показывальщики райков, и содержатели великанов и альбиносов¹. Как будто слышишь такую речь:

«Вот, господа, дикий человек, русский крестьянин, мужик Ананий, — сел не в свои сани. В Питере купцом быть захотел, в столичном просвещении понаторел, а все ухватки мужицкие имел. А как есть, он мужик торговый, бык здоровый, нрав суровый. (Повернись-ка, Ананий! Видите, господа, какой плотный, а смотрит как дико; борода рыжая.) — А все же он мужик честный, всем известный. И в Питере был, да бога не забыл. (Покажи-ка, Ананий, как ты крестишься. Видите, господа: как и все православные крестятся.) — А и приехав в деревню свою далекую, нашел он себе обиду жестокую. А и хотел бы не мстить-простить, да люди добрые не дали. А и тот Ананий сердца не сдержал, вконец осерчал, жену избил и в сердцах ребенка убил. (Покажи-ка, Ананий, как ты серчаешь. Видите, господа, как он серчает, и зенки выворачивает.) — А все же он, дикий человек, русский крестьянин, — все же он христианин. Укрываячись от людей, душою измаялся, в грехе своем покался. Сам людям объявился, в суд пришел — повинился. Себя одного виноватым поставил, всех лютых злодеев своих оправил. Никому боле не мстил, врагов своих простил. (Ну, покажи, Ананий, как ты врагов своих прощаешь. Видите, господа, как он врагов прощает: рукой машет и на лице чувство.) — Будет, господа! Штука кончена».

Вот какого рода впечатление произвела на нас «Горькая судьбина» г. Писемского. Да, горькая судьбина русского крестьянина быть так выводимому напоказ, с такою полною несправедливостью изображения. Он, впрочем, и не поддается такого сорта авторам; в руках их не крестьянин, а один только вид его: кафтан, борода, поговорки; но крестьянина самого — здесь нет. — Что же, разве не прощает врагов своих русский крестьянин? Прощает, как мы не смеем простить; но зато мы часто доставляем ему к тому случай, мы упражняем в нем эту высокую добродетель. — Разве русский крестьянин — не нравственное лицо? Самое нравственное во всем мире. — Отчего же мы говорим, что его здесь (в «Горькой судьбине» г. Писемского) нет? Оттого, что нет прав-

ды в изображении. Сказать-то нравственное слово немудрено, как скоро язык произносит членораздельные звуки. Но этого еще мало: надо, чтоб была душа слова, чтоб была художественная правда. Здесь этого нет, и Ананий есть натянутая, безучастная фраза, которая тем неприятнее, что сказана о нравственности русского крестьянина. — Мы не вдаемся в подробности, в разбор того, что ни одно лицо в этой «Горькой судьбине» даже непохоже на лицо естественное. Вероятно, иные читатели сами это увидят.

Нет, кажется, лица с нравственным элементом не удаются г. Писемскому. Калиновичи — другое дело. Калинович — это Дон Карлос г. Писемского². Но зато, при таком Дон Карлосе, нет сил изобразить сколько-нибудь нравственное лицо, и всего менее — русского крестьянина.